

Павел Успенский, Андрей Федотов

Быть женщиной в «Современнике»:

ПОЭЗИЯ И ПРАВДА В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

АВДОТЬИ ПАНАЕВОЙ

Pavel Uspenskij, Andrey Fedotov

To be a Woman in "Sovremennik": Poetry and Truth in Avdotya Panaeva's Fiction

Павел Успенский (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»), доцент школы филологических наук; кандидат филологических наук, PhD) paveluspenskij@gmail.com.

Андрей Федотов (Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне; МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, преподаватель; кандидат филологических наук, PhD) anfed86@gmail.com.

Ключевые слова: женщины-писательницы, женское письмо, Авдотья Панаева, *Современник*, русская литература XIX века

УДК: 80+82

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_205

Статья посвящена беллетристике Авдотьи Панаевой. Ее сочинения рассматриваются как источник для реконструкции субъектности писательницы. Проанализированная под таким углом зрения, ее проза позволяет объяснить, как Панаева, единственная сотрудница «Современника», относилась к прогрессивным декларациям и повседневному практикам мужской редакции журнала. В статье также подробно обсуждаются как особенности прозы Панаевой (прототипизм, эмансипационная программа), так и литературная репутация беллетристики, в частности пересматривается ее уход из литературы на несколько десятилетий после публикации романа «Женская доля» (1862). Хотя прогрессивный проект Панаевой в силу исторических обстоятельств оказался невостребованным современниками, ее прозаическое наследие дает исследователям возможность посмотреть на редакцию «Современника» женскими глазами.

Pavel Uspenskij (PhD; Associate Professor, School of Philological Studies, HSE University) paveluspenskij@gmail.com.

Andrey Fedotov (PhD; Lecturer, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Shenzhen MSU-BIT University) anfed86@gmail.com.

Key words: female writers, women's writing, Avdotya Panaeva, *Sovremennik*, 19th century Russian literature

UDC: 80+82

DOI: 10.53953/08696365_2023_181_3_205

The article is devoted to Avdotya Panaeva's fiction, which is examined as a source for reconstructing the writer's subjectivity. Examined from this point of view, her prose allows for the understanding of how Panaeva, the only female contributor to *Sovremennik*, felt about the progressive declarations and daily practices of the male editorial staff of the magazine. The article also discusses in detail both the defining characteristics of Panaeva's prose (prototypism, an emancipation program) and her literary reputation as a fiction writer, in particular examining her retirement from literature a few decades after the publication of the novel *A Woman's Lot* (1862). Although Panaeva's progressive project was not in demand by her contemporaries, her prosaic legacy gives researchers the possibility to view the editorial staff of *Sovremennik* through a woman's eyes.

А.Я. Панаева (1820—1893) сейчас воспринимается как автор третьего ряда. Из ее обширного литературного наследия в каноне остались только поздние «Воспоминания» (1889), отношение к которым, впрочем, предзадано, — Панаеву упрекают в неточностях и поверхностном взгляде на окружавших ее литераторов. Ее романы и повести, опубликованные под псевдонимом Н. Станицкий,

основательно забыты, а как писательницу чаще всего ее вспоминают в качестве соавтора проходной некрасовской прозы — романов «Три страны света» и «Мертвое озеро», написанных в годы цензурных ограничений «мрачного семилетия».

Литературоведение назначило Панаеву на роль «жены поэта» [Чуковский 2004] и, шире, на роль яркой женщины при выдающемся мужчине: любовница и муза Н.А. Некрасова, а также спутница И.И. Панаева, подруга Н.Г. Чернышевского, покровительница Н.А. Добролюбова. Эти роли оценивались исследователями положительно, однако ставили Панаеву в зависимое положение. Игнорируя ее реальные обязанности в «Современнике» (корректуры, ведение отдела мод), советские историки литературы в лучшем случае видели в ней хозяйку редакции — лицо, соединяющее своими бытовыми хлопотами сотрудников и авторов в подобие «круга» или «семьи». Впрочем, и для многих членов кружка Панаева была эротизированной эмблемой редакции, если не объектом домогательств¹.

Панаеву почти всегда рассматривали в андроцентричной оптике, не принимая в расчет ее субъектность и интенции². Попытки объяснить ее психологию выглядят еще более удручающе. К.И. Чуковский, во многом ответственный за искажение образа писательницы, не придавал значения ее прозе. Он делал исключение только для ранней повести «Семейство Тальниковых» (1847), считая, впрочем, что текст был создан при значительном участии Некрасова. В целом же, с точки зрения историка литературы, беллетристика не играла в жизни Панаевой важной роли: в глубине души она была «просто Авдотья, хорошая, очень хорошая русская женщина, которая почти случайно очутилась в кругу великих людей», а ее внутренний мир определялся неудачными попытками родить ребенка и построить семью [Там же: 297]³.

Статус Панаевой как несостоявшегося — несамостоятельного и творчески бесплодного — агента литературного процесса подкреплялся в советской науке и ее участием в известной истории с огаревскими деньгами⁴. Поскольку эта история ставила под угрозу репутацию Некрасова, а Панаева в самом деле принимала неоднозначное участие в юридических и финансовых операциях, историкам литературы проще всего было инкриминировать исчезновение денег

-
- 1 Т.Н. Грановский писал жене о Панаевой в 1851 году: «И если бы ты знала, как с нею обходятся! Некому защитить ее против самого нахального, обидного волокитства со стороны приятелей дома» (Т.Н. Грановский и его переписка: В 2 т. Т. 2. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1897. С. 284).
  - 2 Ср., впрочем, портрет Панаевой в новейшей биографии Некрасова. Взвешенно оценивая отношения поэта и писательницы, а также отмечая, что Панаева была сильной женщиной (в этом отличие от взглядов советского времени), исследователь тем не менее полагает, что Панаева «не имела литературных амбиций», а равенство с Некрасовым было возможно только в эмоциональной сфере [Макеев 2017: 162].
  - 3 В силу высокого статуса Чуковского именно его понимание Панаевой победило в советской науке. Впрочем, и в советское время не все приняли взгляд Чуковского; см. взвешенную критику его отношения к Панаевой-писательнице в пионерской диссертации [Долгих 1977: 37–38].
  - 4 См.: Черняк Я.З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве [Дело Огарева — Панаевой]. По архивным материалам. М.; Л.: Academia, 1933. Ср.: [Макеев 2017].

именно ей⁵. Это выводило Некрасова из-под удара, а Панаевой придавало еще и ореол «коварности», который позже стал составляющей частью ее популярного образа соблазнительницы и «роковой» женщины⁶.

Такое понимание Панаевой глубоко архаично и сводится к навязыванию ей более или менее разнообразных, но всегда фиксированных в маскулинном дискурсе ролей⁷. Исторически это вдвойне несправедливо, потому что Панаева — наряду с другими женщинами, входившими в интеллектуальный круг В.Г. Белинского и его последователей (М.Л. Огаревой, Е.Б. Грановской, Н.А. Герцен), — была ранней представительницей эмансипационного движения. Она не только формировала феминистские дискурсы своего времени, восходящие к Жорж Санд и французским социалистам, но и была участницей радикального для своей эпохи эксперимента по изменению семейного положения женщины (см., например: [Кафанова 2017]). Тройственный союз Некрасова и четы Панаевых был опытом реализации нового типа семейных отношений.

Панаеву сложно счесть пассивной участницей этих экспериментов, — немногочисленные эго-документы не оставляют сомнений, что ее решения и поступки исходят из развитой и идеологически продуманной субъектности. Так, письма Панаевой к Белинскому лета 1845 года, в которых корреспондентка на равных и подчас иронично обращается к критику, свидетельствуют о ее полной интеллектуальной самостоятельности: она с неприязнью высказывается о Н.П. Огареве, сообщает о своих спорах с Н.Х. Кетчером, характеризует других участников кружка⁸.

Более последовательно субъектность Панаевой раскрывается в ее письмах к Огаревой, опубликованных в свое время Я. Черняком. Традиционно эти письма рассматриваются как материал для реконструкции фактологии финансовых перипетий огаревского дела, однако их важность не только в этом. Переписываясь с подругой, Панаева проговаривает заветные убеждения и размышляет о социальном и семейном положении женщины. Среди жизненных установок Панаевой выделяются автономность, независимость (прежде всего экономическая) и труд как способ их добиться. В свете ранних феминистских идей все «огаревское дело» предстает пусть и не идеально реализованным, но безусловно продуманным эмансипационным актом, призванным изменить подчиненное положение женщины и сложившийся гендерный порядок: Панаева убедила подругу добиваться полной экономической независимости, не

5 Б.Л. Бессонов в свое время убедительно доказал, что М.К. Лемке даже подделал письмо Некрасова, чтобы выставить Панаеву главной виновницей дела [Бессонов 1980]. Подчеркнем, что речь идет именно об исследовательской рецепции XX в.; современники склонны были винить в этой истории Некрасова.

6 См. переиздание мемуаров Панаевой под названием «Мой любовник — Николай Некрасов» (М.: АСТ, 2014) и показательную фразу из аннотации: «Перед вами воспоминания Музы великого поэта — женщины, которая вдохновляла, будоражила и сводила с ума».

7 Причем эти роли сложились еще в первой трети XIX в. и в той или иной мере предписывались женщинам-сочинительницам. Примечательно, например, что при переходе от салонно-аристократической к более демократической журнальной культуре репертуар женских ролей остался прежним: в то время как редакция радикально отличалась от салона, роль «хозяйки» со всеми ее устойчивыми атрибутами однако навязывалась женщинам в обоих пространствах.

8 В.Г. Белинский и его корреспонденты / Под ред. Н.Л. Бродского. М.: Гос. б-ка им. В.И. Ленина, 1948. С. 217—223.

давая мужчине (Огареву) руководить ее жизнью, и помогала ей в этом советами и делами⁹.

Среди женщин из круга Белинского Панаева — единственная писательница. Беллетристика не была для нее досуговой практикой, — Панаева относилась к писательству профессионально, в том числе как к источнику заработка. Контторские книги «Современника» свидетельствуют, что за свой труд Панаева получала гонорары наравне с другими контрибьюторами журнала¹⁰. Профессионализация была важна для нее и потому, что она подтверждала социальный статус писательницы — творческую, финансовую и человеческую самостоятельность, к которой Панаева стремилась. Вполне автономным деятелем эпохи (а не просто гражданской женой выдающегося издателя и поэта) Панаева была и для других, более младших участниц женского движения. Так, Л.П. Шелгунова воспринимала Панаеву как фигуру уровня французской феминистки Ж. д’Эрикур¹¹. Идеи последней во многом вдохновили М.Л. Михайлова на статью «Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе» (Современник. 1860. № 4, 5, 8), от публикации которой принято отсчитывать начало широкого женского движения в России¹².

Особое положение Панаева занимает и в ряду русскоязычных женщин-писательниц своей эпохи, в последние десятилетия ставших героинями многочисленных исследований¹³. В работах о женской литературе, однако, прозе Панаевой не уделяется достаточного внимания, хотя есть и специально посвященные ей работы [Курова 1952; Долгих 1977; Gheith 2001; Gheith, Holmgren 2007; Холмгрен 2009; Vaysman 2021]. Примирить ревизию канона и его же неизбежную эстетическую иерархичность историкам литературы не всегда удается, и, возможно, беллетристика Панаевой действительно уступает прозе ее современниц. Для нас важно другое: по сравнению с такими писательницами, как Е.А. Ган, Е. Тур, Н.Д. Хвощинская и др., в поле литературы Панаева занимала гораздо более прочное положение и располагалась не на периферии, а в центре литературного поля.

-
- 9 Приведем в пример только одну цитату — фрагмент из письма к Огаревой от 2 марта 1848 года: «Пора понять, что обеспеченное состояние есть первое условие жизни. <...> И мой совет иметь капитал в руках, брать его когда вздумается и дать кому захочется, есть необходимость. Довольно ты пожила в зависимости...» (*Черняк Я.З.* Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве... С. 345). В этих словах видна установка, определившая фактуру «огаревского дела», а также, конечно, и жизненная программа Панаевой. Однако поскольку она, в отличие от Огаревой, даже не могла рассчитывать на большой капитал, ей самой пришлось сделать ставку на литературный труд. О раннем русском феминизме см.: [Стайтс 2004; Юкина 2007].
- 10 Благодарим М.С. Макеева за предоставленную справку. Полностью счет Панаевой в «Современнике» остается необнародованным. Некоторые сведения о ее гонорарах за художественные произведения можно почерпнуть в: [Рейсер 1949: 242, 245; Макеев 2018: 143, 146, 147]. В публикации [Макеев 2018] содержится также информация о тратах Панаевой, связанных с хозяйством.
- 11 См.: *Штакенинейдер Е.А.* Дневник и записки (1854—1886). М.: Academia, 1934. С. 344, 536.
- 12 *Котляревский Н.* Очерки из истории общественного настроения шестидесятых годов. Женский вопрос в его первой постановке // Вестник Европы. 1914. № 2. С. 225—252.
- 13 См., например: [Kelly 1994; Women Writers 1994; Gender and Russian Literature 1996; Грин 2008; РЛВГИ 2004; Женский вызов 2006; Строганова 2019; Ключкин 2019] и др.

Для «Современника» она не была рядовым автором. Об этом говорит хотя бы ее готовность жертвовать творческой свободой в интересах журнала: упомянутые выше «Три страны света» и «Мертвое озеро» создавались с единственной целью — заполнить страницы прозаического отдела и сохранить лицо издания в глазах подписчиков в ситуации существенной нехватки материалов. Такая неблагодарная цель предполагает работу к сроку, труд, регулируемый не вдохновением или внутренними потребностями, а необходимостью¹⁴. Эта работа, в свою очередь, невозможна без самоидентификации с журналом, о которой в случае Панаевой можно говорить с уверенностью¹⁵. Она по праву могла считать себя членом редакции «Современника». Именно поэтому «реальность» Панаевой — в отличие от подчас закрытого для исследования мира русских писательниц середины XIX века — доступна исследовательскому взгляду: по стечению ряда исторических обстоятельств быт «Современника» был не просто изучен, но изучен лучше быта любого другого журнала.

Уникальное положение Панаевой естественно задает исследовательскую оптику. Если современные гендерные историки литературы стремятся анализировать женское письмо как относительно автономную и герметичную субсистему, существующую рядом с «переоцененной» маскулинной литературой, то мы воспользуемся беллетристикой для реконструкции женской субъектности. Конечно, гендерная история литературы также выходит на уровень исторических форм женского сознания, но часто сталкивается с дефицитом данных. Проявление женской субъектности в прозе зачастую оказывается невозможно соотносить с биографическим рядом, а потому затрудненной предстает и операция отсоединения собственно литературных стимулов (например, романов Санд) от персонального опыта писательницы. Исследователи, как правило, констатируют его наличие в тексте и отмечают, что он реализуется литературно — в специфических женских субжанрах [Kelly 1994].

Мы считаем необходимым рассмотреть художественную прозу Панаевой как материал, который позволяет реконструировать сознание конкретной женщины. В таком подходе для нас важны исследования субъектности пишущей женщины, прежде всего монография И. Савкиной, кроме прочего, удачно обобщающая опыт предшествующих исследований [Савкина 2007]. Савкина использует метафору, в рамках которой женское автобиографическое письмо является своего рода зеркалом, отражающим — в гендерно перевернутом виде — предписания и ожидания среды, сформированной в основном мужчинами. Эта метафора применима и к беллетристике Панаевой: мы точно знаем, кто смотрится в «зеркало» ее прозы, и можем соотносить отражение с реальностью, то есть показать, что ее произведения критически отвечают на идео-

14 Заметим на полях, что традиционный литературоведческий взгляд, приписывающий все удачи написанных в соавторстве романов Некрасову [Евгеньев-Максимов 1950: 123—127, 155—157] (см. также: Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Т. 9. Кн. 2. Л.: Наука, 1984. С. 327—335; Т. 10. Кн. 2. Л.: Наука, 1985. С. 268—276), задан андроцентричной оптикой, не выдерживает серьезной критики и нуждается в ревизии. См. попытку переосмысления в: [Долгих 1977].

15 См. показательную фразу из письма В.И. Добролюбова к племяннику от 1860 года о критике журнала в печати: «Авдотья Яковлевна ужасно огорчена нападками и присудила отправить к тебе все статьи, написанные против “Современника”» (Чернышевский Н.Г. Материалы для биографии Н.А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах. Т. 1. М.: Тип. В.Ф. Рихтер, 1890. С. 604).

логические проекты и бытовые практики гендерных отношений, бытовавшие в мужской редакции «Современника», прежде всего связанные с личностью Некрасова. Воспользовавшись оптикой Савкиной для неавтобиографических текстов, мы покажем, что между эго-документальным и фикциональным дискурсами в случае Панаевой нет непроницаемой границы.

Фронтальное чтение панаевской прозы позволяет утверждать: ее отличительная черта — сублимация жизненного и редакционного опыта в литературные сюжеты. Как профессиональная писательница, Панаева занята изобретением художественных миров, конструктивно связанных с актуальной для нее традицией. В них, в частности, разыгрываются фабулы и топика ранней русской женской прозы и романов Санд (разочарование в браке, измена и т.п.). Репутация Панаевой как русской жоржсандистки остро ощущалась современниками (см., например, характеристику 1850-х годов в «Соннике современной русской литературы» Н. Щербины¹⁶), а позже перешла в литературоведческие и в том числе в гендерные исследования¹⁷. Вместе с тем, как многие писатели, Панаева охотно включала в произведения портреты своего окружения, для которого ее тексты оказывались особым, прямо им адресованным посланием¹⁸.

Традиционное литературоведение любит разгадывать прототипы героев. Не обошла эта любовь и Панаеву: уже замечалось, что в «Пасеке» (Современник. 1849. № 11) выведен Лермонтов [Бессонов 1979], в «Женской доле» (Современник. 1862. № 3—5) — В.П. Боткин и Добролюбов [Курова 1952; Долгих 1977: 157—158; Степина 2019]. Этот ряд легко можно расширить: в романе «Мелочи жизни» (Современник. 1854. № 1—4) за Сержем — несостоявшимся ученым, гомеопатом, помещиком, разорившимся на утопических проектах по улучшению жизни крестьян, — угадывается Огарев, а за маниакально переододевающимся джентльменом Борисом Ольховским, который живет в постоянных ссорах с женой Еленой и при этом волочится за каждой юбкой, — Панаев. В инвариантном персонаже прозы Панаевой — нищем искреннем молодом интеллектуале, симпатизирующем героине, — проступают черты Белинского (Карсанов из «Романа в петербургском полусвете»; Современник. 1860. № 3—4), причем сходство усиливается тем, что персонаж умирает от чахотки (Анатолий Скворцов из «Мелочей жизни», Сергей в «Женской доле»)¹⁹. В прозе Панаевой, конечно, появляется и Некрасов [Степина 2019]. Его черты просту-

16 «Станицкого (Авдотью) во сне видеть предвещает отца и мать в грязь втопать — лишь бы только плохую повестушку написать, или же увидеть, как комическая русская холопка корчит из себя эмансипированную Жорж-Санд» (Щербина Н. Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры / Ред. и примеч. И. Иванова-Разумника. Л.: Прибой, 1929. С. 148—149).

17 Так, роман «Женская доля» М. Вайсман интерпретирует в свете особенности женских нарративов и, в частности, нарративной гендерной амбивалентности XIX века [Vaustman 2021]; см. перевод в настоящем номере.

18 Вероятно, кстати, это объясняет скептическое отношение к ней некоторых современников, например, раздраженные реплики И.С. Тургенева в адрес Панаевой или сомнения в ее женственности у В.П. Боткина. См.: Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. 2-е изд. Т. 3. Письма, 1855—1858. М.: Наука, 1987. С. 235; В.П. Боткин и И.С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869. М.; Л.: Academia, 1930. С. 69—70, 86.

19 Впрочем, в Карсанове и Сергее могли отразиться и черты Добролюбова, образ которого наложился на воспоминания о Белинском.

пают в «художнических натурах» — выбившемся из низов скульпторе Кордые, который очень одарен, но тщеславен и склонен к ссорам («Капризная женщина»; Современник. 1850. № 12), а также в художнике Дроздове, искусном манипуляторе, который имитирует неизлечимую болезнь и поработщает окружающих («Домашний ад»; Современник. 1857. № 9). Прототипизм героев может быть развернуто доказан и на основе сюжетных коллизий, и по характерным чертам интеллектуалов, сохраненных в мемуарной литературе.

Однако на разгадывании прототипов и поиске черт реальных людей, отразившихся в героях, нельзя останавливаться. Прототипы героев Панаевой интересны не столько как реальные люди со своими характерами и привычками, сколько как носители конкретных идеологических программ и как сторонники семейных и социальных практик, с которыми писательница полемизирует. Прототипизм Панаевой тотально определяет ее письмо и в этом плане отличает ее от других литераторов. Если обычно у писателя, прибегающего к поэтике прототипов, включение отсылок к конкретным людям работает как дополнительный прием, усиливающий фикциональную характерологию произведения, то для Панаевой на первом месте — желание объясниться с окружающими ее людьми, а беллетристика выступает в качестве способа оформления реплик в этом напряженном диалоге. В определенном смысле прототипизм прозы Панаевой долитературен, он является скорее свойством воображения писательницы и только как следствие — ее письма. Анализируя этот феномен, мы приближаемся к пониманию Панаевой не как беллетристки в кругу других литераторов, а как выразительницы продуманной и артикулированной женской субъектности середины XIX века.

Наиболее остро полемика с кругом «Современника» воплотилась у Панаевой в романе «Женская доля», который аккумулирует многочисленные темы ее предшествующих повестей и романов. Отличительная черта этого текста в том, что кругу персонажей, восходящих к старшим членам редакции (Боткин, Панаев, Некрасов и др.), предъявляется общая претензия. Хотя все персонажи романа изображены самостоятельными личностями, в ключевом для Панаевой аспекте они неразличимы — все они участвуют в угнетении женщины.

В этом отношении группа друзей и единомышленников, субъективно оценивающая себя как новых людей, как эмансипаторов, стремящихся к максимальной реализации творческих и интеллектуальных возможностей личности, мало отличается от другого устойчивого врага Панаевой и женской прозы XIX века — традиционного светского общества. Это общество уже многократно атаковалось писательницей в повестях «Пасека» (1849), «Воздушные замки» (Современник. 1855. № 3) и в крупных формах — в «Домашнем аде» (1857), в «Романе в петербургском полусвете» (1860), а также в других произведениях. Специфика деконструирующего подхода Панаевой заключается в том, что репрезентирующие круг «Современника» персонажи склонны видеть и подчеркивать свои отличия от «света», противопоставляют себя ему, тогда как взгляд писательницы фиксируется на той части их практик, где эти отличия нивелируются. Панаева выбирает такой ракурс, в котором между новыми «эмансипаторами» и старыми «угнетателями» разницы нет: и те, и другие относятся к женщине как к собственности, однако первые стремятся оправдать эмоциональное и социальное подчинение необходимостью прогресса, тогда как последние разыгрывают нормы светской жизни. Иными словами, Панаева претендует на то, чтобы видеть больше, чем другие сочинители, — она обнаруживает глубинное

и существенное сходство там, где попавшие под обаяние эмансипаторской проповеди адепты видят лишь поверхностные, хотя и яркие отличия.

Такое отношение Панаевой основывается на разительном несовпадении теории и практики старших представителей «Современника». И А.В. Дружинин, и Боткин, и Панаев, и, конечно же, Некрасов манифестировали новое отношение к женщине, однако в своей повседневной жизни не могли приблизиться к этическим идеалам, которые сами проповедовали. В этом кругу практиковались и походы в бордель, и чисто маскулинное, объективирующее отношение к женщинам света и полусвета (обсуждение степени их доступности) и даже — в рамках кружка «чернокнижников» — специальные литературные упражнения, юмористически-обсценно отражавшие все эти практики²⁰. Тексты Панаевой — яркое подтверждение того, что она была не просто осведомлена о расщепленности манифестаций и поведения членов старшей редакции журнала, но именно к этому сводила этическую ущербность мужского феминистского проекта.

В «Женской доле» это понимание выражено в гипертрофированном виде. Роман распадается на две части, которые связаны центральным персонажем — Софьей Григорьевной. Желая лишить мать власти над юной дочерью, внезапно нагрянувший в поместье отец сводит Софью с Петром Васильевичем — молодым человеком из Петербурга, носителем передовых идей, а также «художнической натурой», как его всерьез характеризуют окружающие и иронически — нарратор. Вскоре соблазненная Софья становится женой Петра и переезжает в его поместье, где попадает в окружение друзей мужа — Федора Федоровича, Надежды Кондратьевны и ее любовника Сергея Игнатьевича. Они считают себя прогрессивными людьми и занимаются воспитанием Софьи: пытаются раскрепостить сексуальность скромной героини и превратить ее в «вакханку»²¹.

Мир поместья, в котором оказалась Софья, раскрывается героине постепенно. Выясняется, что у Петра есть ребенок от горничной. Надежда Кондратьевна и Сергей Игнатьевич также имеют уже взрослого сына, который объявлен сумасшедшим (и в самом деле, чудаковатый Сережа напоминает блаженного Мышкина из позднейшего романа Достоевского) и спрятан от глаз посторонних в лесном домике. Федор Федорович оказывается ловеласом, одержимым сексуальными желаниями, в частности влечением к Софье, которое он моти-

20 См. дневник Дружинина, письма к нему и поэтические тексты в: *Дружинин А.В. Повести. Дневник* / Изд. подгот. Б.Ф. Егоров, В.А. Жданов. М.: Наука, 1986. С. 239, 227–228, 254, 261, 332–333; *Летописи Государственного литературного музея. Кн. IX. Письма к А.В. Дружинину* / Ред. и коммент. П.С. Попова. М.: Изд. ГЛМ, 1948. С. 63, 82, 86–87; Стихи не для дам. Русская нецензурная поэзия второй половины XIX века / Изд. подгот. А. Ранчин и Н. Сапов. М.: Ладомир; АСТ, 1994.

21 *Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Женская доля // Современник. 1862. № 3. Отд. I. С. 96, 161.* Слово «вакханка» отсылает, между прочим, к номинации Огаревой в кругу А.И. Герцена (*Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 23: Письма 1847–1850 гг.* М.: АН СССР, 1961. С. 155). Надо полагать, отношения с Некрасовым не были единственной основой первой части «Женской доли», — ее можно считать острапяющим взглядом на попытки семей Герцена и Огарева построить коммунитарную, гармоничную семью. Независимое положение Софьи, не желающей участвовать в «вакхических» проектах Надежды Кондратьевны и Федора Федоровича, во многом соответствует поведению Огаревой, о семейных делах которой Панаева была хорошо осведомлена. Для Панаевой интеллектуалы 1840-х годов и старшее поколение «Современника» слились в одну группу персонажей, а опыт Софьи воплощает не только опыт Панаевой, но и ее подруги.

вирует философски, постоянно говоря об «аттракции»²². Кроме того, все в доме подчинено воле хозяина — дедушки, живущего в изоляции и терроризирующего всех обитателей поместья. Дедушка изображен капризным манипулятором в духе Фомы Опискина, использующим свою власть (именно ему принадлежит поместье и он волен им распоряжаться) для получения садистских удовольствий. Постепенно Софья понимает, что оказалась в гнезде лицемерных развратников, прикрывающих похотливость и жадность словами о прогрессе, гуманности и равноправии полов. Единственным союзником героини оказывается наивный и искренний Сережа, но его помощи недостаточно, чтобы хоть как-то улучшить ее положение.

Отрицательные герои романа выступают единым фронтом: они объективируют и угнетают женщину, а также создают дискурс, оправдывающий ее положение в семье. Идеология, которая, на первый взгляд, должна была предоставить женщине долгожданное право строить судьбу по собственному разумению, на практике оборачивается новой инструктивностью. Эта идеология переподчиняет женщину, — лишает ее необходимости соблюдать старые правила, но навязывает новые. «Я хочу вас научить, как надо жить и как надо установить ваши супружеские отношения — сделать вас самостоятельной», — сообщает Софье Сергей Игнатьевич, «находящийся всегда на стороне женщины». А Надежда Кондратьевна призывает работать над собой: «Вы, Софи, <...> должны гордиться, что живете среди людей, у которых такой возвышенный взгляд на женщину, а потому вам надо стараться стать на одну ступень с нами, по развитию ума и сердца»²³. Мужу Софья кажется не очень развитой эгоистичной женщиной, чьи постоянные жалобы и страдания объясняются детским воспитанием и непониманием окружающих. Она должна относиться к нему только с пониманием и сочувствием; Петр увещевает жену: «Разумная наша любовь связала нас духовно, а не материально; а потому я убежден, что ты залечишь мои раны теплым участием к моим страданиям»²⁴.

В конструктивном плане обращенная к героине риторика соответствует важной особенности некрасовских любовных стихов, адресованных Панаевой. Знаменитый «панаевский цикл» отличается настойчивой склонностью субъекта инструктировать возлюбленную. В деле строительства новых — более равных, свободных и эмоционально разнообразных — отношений женщина нуждается в постоянном контроле, и только мужчине принадлежит знание о том, как отношения должны быть устроены. Поэтому статус героини некрасовских стихов двойственный: она как будто интеллектуально и эмоционально равна мужчине, но на самом деле ум избранницы ценится настолько, насколько она может внять инструкциям мужчины (а не сформировать свою собственную субъектность). Внимательное чтение «панаевского цикла» убеждает в том, что риторически он построен на инструктаже, который обретает разные поэтические формы (см. подробнее как о самом цикле, так и о его гендерном контексте: [Федотов, Успенский 2023])²⁵.

22 Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Женская доля // Современник. 1862. № 4. Отд. I. С. 95.

23 Там же. С. 141, 101.

24 Там же. С. 143.

25 Приведем здесь лишь несколько примеров инструктажа: «Говори же, когда ты сердита»; «Я не люблю иронии твоей / Оставь ее отжившим и не жившим»; «Отринь насильственное бремя»; «Прости! Не помни дней паденья»; «Оправданья и слезы

Роман «Женская доля» — жест несогласия Панаевой с некрасовской гендерной моделью. Надо полагать, мы имеем дело с достаточно редкой в XIX веке ситуацией, когда в произведении женщины мы находим отражение ее недовольства не только сложившимся гендерным порядком и не только ходом развития конкретных отношений с мужчиной, но и формой их литературной сублимации в произведениях партнера. «Женская доля», таким образом, прочитывается как ответ на «панаевский цикл». Из романа явно следует, какого рода практики Некрасова и его приятелей были неприемлемыми для Панаевой. Промискуитет героев «Женской доли» вместе с их лицемерием напрямую бьет по нормам поведения и риторике кружка «Современника». В панаевской перспективе идеология редакции предстает либеральной ширмой потребительского отношения к женщине.

Отношения, однобоко изображенные у Некрасова, в «Женской доле» подаются со стороны молчащей и вынужденной подчиняться женщины. В тексте есть ряд конкретных примеров зеркального отражения проблематики и тематики некрасовских стихов. Так, в романе деконструируется демонстративное пренебрежение в «Слезях и нервах» к женским слезам. Некрасовым они объявляются формой манипуляции мужчиной, поэт — весьма стереотипно — видит в них квинтэссенцию театральной и лживой природы женщины. Этот патриархальный паттерн, носителем которого был гражданский муж Панаевой, отражен в романе: искренние слезы матери Софьи, выражающие последнюю степень отчаяния в столкновении с мужем-злодеем, понимаются последним как «желание казаться несчастной» для достижения своих скрытых целей²⁶. Для Панаевой такое отношение было настолько возмутительным, что она от лица нарратора возражала против стереотипного восприятия слез: «Многие мужчины убеждены, что женские, как и детские слезы — вода. Вероятно, вследствие этого веселого убеждения так много проливают слез те и другие»²⁷. Упрек Некрасова в адрес женщин, таким образом, отвергается Панаевой как прямо, так и косвенно — сюжетом романа.

В романе Панаевой отражен и другой текст Некрасова — стихотворение «Когда из мрака заблужденья...» (1845). За этим текстом, независимо от того, подразумевается ли в нем Панаева или публичная женщина [Степина 2019: 15—16], стояла манифестарная эмансипаторская установка: отношения с просвещенным мужчиной могут вытащить «падшую» женщину из социальной пропасти, дать ей новый гражданский статус. Более того, такие отношения развитию интеллектуалу фактически вменялись в качестве морального долга. В самом деле, в старшем кругу «Современника» практиковались такие «развивающие» браки, пусть не с публичными женщинами, но все же с такими, которые мыслились как социально неравные и нуждающиеся в помощи и освобождении. Хорошо известны истории браков Боткина и Кетчера, а также попытки Огарева в конце 1840-х годов перевоспитать «падшую» женщину [Волюшина 2016: 216; Федотов, Успенский 2023].

Панаевой подобные манифестации и поступки казались ложными. Еще в 1850 году в рассказе «Необдуманый шаг» она деконструировала идею спа-

---

осмей»; «*Не говори, что дни твои унылы*»; «*Не гордись, что в цветущие лета*»; «*Скажи! Я должен знать*» (Курсив наш. — П.У., А.Ф.). В «панаевском цикле» есть и другие, более сложные, формы дискурсивного подавления женщины.

26 Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Женская доля // Современник. 1862. № 4. Отд. I. С. 61.

27 Там же. С. 54.

сения женщины, находящейся ниже на социальной лестнице. История, «которая может служить уроком иным молодым людям»²⁸, проста: живущий в провинции молодой дворянин-интеллектуал Данилов взял под защиту мещанку Татьяну, которой мужчины домогались во время пирушки. В порыве благородства Татьяна показалась Данилову «идеально прекрасным существом», и он решил спасти и воспитать ее — снял ей квартиру, накопил одежды, старался приучить к чтению. Со временем в их гражданском браке родились дети, однако проект перевоспитания провалился. Татьяна не только не изменилась к лучшему, но и утянула Данилова в болото пошлой мещанской жизни, из которого он, будучи не в силах оставить детей, не смог выбраться и сам стал «падшим» человеком. «Думая развить в ней чувство собственного достоинства, Данилов развил в ней одну только ложную гордость и самоуверенность», — констатирует Панаева, а чуть позже подводит героя к осознанию, что «только монотонная жизнь в уездном городе и отсутствие образованных женщин могли его сблизить с такой женщиной, которая на каждом шагу оскорбляла его своими словами, понятиями, — словом, всей тривиальностью своей натуры»²⁹.

Если в «Необдуманном шаге» Панаева развенчивает идеализм интеллектуалов, демонстрируя, что утопия спасения приводит к загубленным жизням героев и их детей, то в «Женской доле» она идет дальше, деконструируя как практику спасения (она видит в ней только легкодоступное сексуальное удовольствие), так и ее риторическое оформление. У Петра в городе есть любовница Екатерина, по всей видимости публичная женщина или лоретка, к которой он регулярно ездит, не удовлетворяясь жизнью с Софьей (вероятно, в том числе в сексуальном плане). Однако Петр объясняет эти поездки совсем иначе: он считает, что должен спасать и обеспечивать «падшую».

Развернутая Петром аргументация спасения и развития Екатерины выглядит одновременно комично и жалко. Во время очередного визита в город Петр в письме инструктирует жену, объясняя, как ей надо эмоционально реагировать на ситуацию, и связывая свою измену с принципами высокого гуманизма:

Жестоко было бы с твоей стороны, если б ты, из пустого и недостойного чувства ревности, помешала мне спасти падшую женщину и указать ей истинный путь к жизни. Ты так добра и так развита, что будешь сама радоваться со мной, если нам удастся воскресить заблудшую душу. Да, мой дорогой друг, ты теперь вступила в новую жизнь и объективно должна смотреть на вещи; этим только ты достигнешь мирового взгляда на жизнь и будешь способна сама проявлять симпатию к высоким искусствам и сочувствие к страждущему человечеству³⁰.

Этот циничный взгляд на отношения с публичной женщиной достигает апогея в искреннем восклицании Петра в его разговоре с Сереей: «Мне нужны падшие женщины — они понимают мои страдания!»³¹

Право похотливого мужчины «развивать» кого бы то ни было не только высмеивается, но и назидательно отрицается нарратором. Парадоксальным образом риторика «развития» приводит к тому, что в обществе «развратные жен-

28 Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Необдуманный шаг // Современник. 1850. № 1. Отд. I. С. 141.

29 Там же. С. 146, 157.

30 Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Женская доля // Современник. 1862. № 4. Отд. I. С. 143.

31 Там же. С. 162.

щины» оказываются едва ли не на лучшем счету, чем порядочные: «Лоретка или лицемерная барыня всегда найдут себе защиту в обществе, которое лелеет их, покровительствует им и гордится ими, как самой лучшей стороной своей моральной цивилизации!»³² С точки зрения писательницы, мужчины, не способные ограничивать свои сексуальные запросы, тормозят эмансипацию. В самом деле, «развивающие» отношения всегда исходили из презумпции нравственного превосходства того, кто развивает, между тем Панаева именно это превосходство и дезавуирует в своем решительном заявлении: «Пока сами мужчины не сделаются нравственнее — никакая эмансипация женщин невозможна»³³.

Деконструкция идеи спасения женщины и стоящего за ним сексуального желания основывалась не только на полемике со стихотворением Некрасова, но и на неприятии его поведения. «Женская доля», как уже отмечалось, свидетельствует, что писательница знала о сексуальных привычках мужчин своего круга. Поведение Некрасова не было для нее исключением, хотя сведений здесь не так много. Известно, например, что когда в 1860 году Панаева была за границей, у Некрасова был роман, о котором он, по собственному признанию в письме к Добролюбову, известил гражданскую жену. Откровенное письмо поэта к критику, на наш взгляд, содержит конгломерат идей и интонаций, риторических стратегий самооправдания, которые в художественной форме развенчиваются в романе Панаевой. Некрасов признавался Добролюбову, что

возмечтал о каком-то сердечном обновлении. И точно четыре дня у меня малиновки пели на душе. <...> То-то бы так осталось — да не осталось. Во 1-х, девушка хоть не ангел или ангел падший — да, к несчастью моему, оказалась порядочной женщиной — вот и беда! Еще и жертва тут подвернулась, в ее положении не пустая — польстилась на мои сладкие речи — а я куда как был красноречив! — она бросила человека, который ее обеспечивал <...> Ну а теперь уже бродит мысль, зачем я все это затеял? <...> Напишите мне что-нибудь об Ав[доть] Як[овлевне]. Вы, верно, ее скоро встретите; если она огорчена, то утешьте ее как-нибудь: надо Вам сказать, что я ей кратко, но прямо написал о своих новых отношениях. Ведь надо ж было! — хоть эти новые отношения едва ли прочны. — Я очень чувствителен. Она не жалела меня любящего и умирающего, а мне ее жаль <...> Я уж четвертый год все решаюсь, а сознание, что не должно нам вместе жить, когда тянет меня к другим женщинам, во мне постоянно говорило (Курсив наш. — П.У., А.Ф.)³⁴.

Не ставя своей целью ни реконструкцию психологии Некрасова, ни подробное изложение перипетий его отношений с Панаевой, заметим, что этот эпизод — не единственный случай измены. Время, когда Панаева не жалела поэта, «любящего и умирающего», то есть страдавшего от тяжелой болезни горла, кото-

32 Там же. С. 50.

33 Там же. С. 51.

34 Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14. Кн. 2. С. 138—139. Увлечение Некрасова принесло Панаевой много переживаний; за это Чернышевский порицал поэта: «Он отчасти расстроен разными полусемейными делами, и, хотя виноват скорее он, <...> все-таки отчасти жаль его. Впрочем, бывают и минуты, когда он производит и не такое впечатление; думаешь: прилично ли человеку в его лета возбуждать в женщине, которая была ему некогда дорога, чувство ревности шалостями и связизшками, приличными какому-нибудь конногвардейскому корнету?» (Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. XIV. М.: ГИХЛ, 1949. С. 401—402).

рая, как казалось ему и врачам, приведет его к скорой смерти [Летопись 2006: 468], — это 1853—1855 годы. Этот период в самом деле был сложным для пары: в апреле 1855 года у них умер сын, а в конце лета выяснилось, что болезнь Некрасова была венерической, что, конечно, по-новому высвечивало сексуальную сторону его прошлого³⁵. Чуть больше чем через год Некрасов и Панаева воссоединились за границей. Судя по исповедальным письмам поэта, возобновление отношений далось им психологически тяжело: Панаева чувствовала себя виноватой (возможно, она изменила Некрасову), Некрасов же то умилялся их чувствам, то чуть было не «удрал» от подруги³⁶. В каскаде сложных переживаний Некрасов, однако, не полностью сосредоточился на отношениях с Панаевой: 17 февраля 1857 года он писал Тургеневу, что «сердцу нельзя и не должно воевать против женщины, с которой столько изжито», а уже 2 марта подробно, ссылаясь на свой опыт, инструктировал Дружинина, как лучше найти публичную женщину в Италии³⁷. Надо полагать, эти примеры — лишь немногие сохранившиеся свидетельства более частых случаев, если не системной практики.

Сексуальная невоздержанность, как и неспособность к супружеской верности, — характерные темы не только «Женской доли». В романе «Мелочи жизни» муж Елены Борис ухаживает за юной барышней и явно готов пойти дальше, не говоря уже о том, что в какой-то момент пропадает с французженками легкого поведения³⁸. Гениальный скульптор и вместе с тем тщеславный, обидчивый и мнительный человек, Кордье из «Капризной женщины» был готов оставить жену ради героини и, демонстрируя серьезность намерений, «даже рассказал свои любовные победы»³⁹.

Любовное желание становится центральной темой повести «Домашний ад». В повести благосклонности Катерины Петровны — молодой и бедной воспитанницы помещицы Денисовой — добиваются сразу несколько мужчин, среди которых нам интересен художник Дроздов. Живя в доме обожающей его Денисовой, он терроризирует окружающих; в этом отношении он напоминает дедушку из «Женской доли», однако пользуется другими манипулятивными приемами. Подавая себя как неизлечимо больного гениального художника, он стремится добиться взаимности Катерины, дискредитировать «убивающих» его соперников и при этом сохранить покровительство и любовь Денисовой.

35 [Летопись 2006: 466—467]; Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14. Кн. 1. СПб.: Наука, 1999. С. 214.

36 Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14. Кн. 2. С. 57.

37 Там же. С. 57, 61.

38 Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Мелочи жизни // Современник. 1854. № 4. Отд. I. С. 146—163. Выше мы отмечали, что у Бориса много черт Панаева, но есть у него и черты Некрасова. Так, Борис ссорится с женой и даже доводит ее до слез, после чего наступают примирение и обещания «быть снисходительнее друг к другу» (Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Мелочи жизни // Современник. 1854. № 2. Отд. I. С. 210). Напомним, что ссоры — ключевая тема «панаевского цикла» (см. хотя бы стихотворение «Мы с тобой бестолковые люди...»), не говоря уже о том, что мемуаристы часто обращали внимание на то, что Некрасов доводил Панаеву до слез. Интересно также, что Борис обижается на ироничные резкости жены, сообщая, что ее «ирония обидна» (Там же. С. 173); ср. с хрестоматийным некрасовским стихотворением «Я не люблю иронии твоей...». Эта переключка свидетельствует о том, что и женские персонажи писательницы во многом автобиографичны.

39 Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Капризная женщина // Современник. 1850. № 12. Отд. I. С. 302.

Любой конфликт в доме помещицы Дроздов поворачивает в свою пользу, демонстрируя, как дурно скандалы влияют на его расшатанное здоровье и на его вдохновение, хотя его талант под вопросом, а здоровью в действительности ничто не угрожает.

Соединение художественной одаренности и болезни в герое, созданном после перечисленных выше биографических перипетий 1850-х годов, на наш взгляд, однозначно указывает на Некрасова⁴⁰. Претензии Панаевой к Некрасову, таким образом, получают здесь исключительную остроту: на вид любовнику ставятся не только его измены — сама болезнь изображается как манипуляция.

Надо полагать, когда Некрасов в письме Добролюбову обвинял Панаеву в безжалостности, он мог иметь в виду и ее повесть «Домашний ад». Очевидно, что он не мог не считать резких, подчас оскорбительных, выпадов против самого себя и своих друзей в панаевских сочинениях, но примечательно, что он при этом публиковал их в «Современнике». Как это объяснить?

Предложим как психологическое, так и историко-литературное объяснение. Публикация «Женской доли» и других сочинений в «Современнике» скорее говорит о том, что Некрасов разъединял отношения с Панаевой-писательницей и Панаевой — гражданской женой, а личные обиды не переносил в профессиональную плоскость. Вместе с тем Некрасов, по всей видимости, не мог не признавать справедливости многих претензий и, публикуя панаевскую беллетристику, демонстрировал, что хотя бы на уровне убеждений и установок он солидарен с эмансипационными идеями и не ограничивает субъектность и профессиональную реализацию своей спутницы.

Одновременно публикация сочинений Панаевой соотносилась с некрасовской редакторской стратегией. На идейном уровне панаевская проза соответствовала и эмансипационной программе «Современника», манифестированной в статье Михайлова о женщинах, и ставке на «новых людей» — молодых интеллектуальных разночинцев. Появление романов Панаевой в журнале отражало убежденность Некрасова в том, что только молодая редакция сможет вывести «Современник» на новый уровень. Показательно, что в приведенном выше исповедальном письме Некрасов доверяется именно Добролюбову — молодому сотруднику журнала. Жалобы на гражданскую жену при этом раздаются на фоне раскола в «Современнике», в ходе которого Панаева была безусловной союзницей издателя и гражданского мужа.

И эмансипационная программа, и ставка на «новых людей» заявлены в «Женской доле». Атаки Панаевой на членов старой редакции в таком контексте становятся актом литературной борьбы. Если эмансипационная программа привязана к первой части, то симпатии к молодым интеллектуалам последовательно декларируются во второй части романа.

В ней читатель застаёт Софью в новом положении: она сбежала от мужа, сошлась с помещиком Лакотниковым и родила от него детей. Впрочем, Лакотников также обнаруживает свое истинное лицо и оставляет Софью⁴¹. Однако

40 В этой связи не случайно, что в тексте важную роль играет Италия: именно здесь Денисова в свое время нашла Дроздова и именно здесь разворачивается продолжение произведения — «Русские в Италии» (Современник. 1858. № 2). Ср. выше об итальянском периоде Панаевой и Некрасова.

41 Удержимся от соблазна однозначно соотнести Лакотникова только с Некрасовым — этот персонаж, очевидно, примыкает к галерее мужчин-угнетателей первой части романа.

вторая часть романа в гораздо меньшей степени фокусируется на судьбе героини. В тексте появляются новые персонажи — незаконнорожденная и деклассированная Анна Васильевна и Снегов, молодой человек, выпускник Петербургского университета, литератор радикальных убеждений, уже успевший за них пострадать. Анна Васильевна — объект стереотипных ухаживаний и неприкрытых домогательств со стороны многочисленных властных мужчин, однако, как девушка новой формации, она не поддается патриархальному давлению и берет в союзники решительного, свободного и честного Снегова. В финале романа она отправляется за Снеговым в политическую ссылку в Иркутск.

Появление в «Женской доле» положительных идеализированных персонажей и резкое переключение нарратива на новые модели отношений симптоматичны, хотя для Панаевой это не первый опыт манифестации позитивной программы. В 1860 году в «Романе в петербургском полусвете» писательница уже вывела «нового человека» — Карсанова, сына дьячка, выпускника университета, пробивающего себе дорогу добросовестным литературным трудом. Он беззаветно влюблен в главную героиню романа, которая для остальных персонажей является лишь предметом светского «торга». В финале романа Карсанов, как впоследствии и Снегов, терпит крах: его арестовывают на границе при попытке бегства за рубеж с возлюбленной; хотя его будущее и не описано, ему явно предстоит тюремное заключение. В соответствии с трагической этикой прогрессистов, страдания и тяжелая судьба подчеркивают значимость и ценность пути героя, «доказывают» его правоту.

Примечательно, что в одном номере «Современника» с первой частью романа Панаевой была напечатана статья Добролюбова «Когда же придет настоящий день?», публикация которой привела к окончательному разрыву Некрасова с Тургеневым и стала финальной точкой в редакционном расколе. Обсуждая роман «Накануне» (1860), Добролюбов, напомним, требовал появления на русской почве деятельного героя — такого, как болгарин Инсаров. И Карсанов, и позднее Снегов явно мыслились Панаевой как прямой ответ на запрос критика (о котором она, безусловно, знала раньше и больше других из дружеского общения — напомним, что Добролюбов жил в квартире Некрасова).

Писательница, очевидно, примкнула к молодым радикалам, однако ее надежды на идеологический альянс не оправдались — за «свою» ее так и не приняли. Как же вышло, что прогрессивность Панаевой не была закреплена за ней в коллективной памяти самих прогрессистов?

Вскоре после публикации «Женской доли» Панаева, до сих пор активно работавшая беллетристка, надолго уходит из литературы. Объяснение этой паузы казалось историкам литературы очевидным: в это время происходит разрыв с Некрасовым, которого традиционно понимали и как покровителя, и как едва ли не соавтора всего, что создавала Панаева. Она вышла замуж за секретаря редакции А.Ф. Головачева и в 1866 году родила дочь. Прекращение литературной деятельности после ухода от Некрасова как будто свидетельствовало о творческом бессилии писательницы, а согласно Чуковскому, и вовсе отражало ее «истинные» установки — создать семью и воспитать детей. Дело, однако, не только и не столько в перипетиях личной жизни.

Уход Панаевой из литературы был вызван в первую очередь профессиональными причинами. «Женская доля» — самый радикальный и самый феминистский роман Панаевой — не имел успеха у той целевой аудитории, которая, как казалось писательнице, должна была принять его с воодушевлением.

В 1864 году роман подверг уничтожающей критике Д.И. Писарев. В статье «Кукольная трагедия с букетом гражданской скорби» (Русское слово. 1864. № 8) он объявил, что Панаева буквально ничего не знает о жизни «новых людей», а Карсанов и Снегов — лучшее тому доказательство (об атаке Писарева на Панаеву см. также: [Курова 1952]).

Указывая на противоречия в содержании «Современника» («Русское слово» в это время ведет непримиримую полемику с изданием Некрасова), Писарев удивлялся, как в одном журнале можно последовательно публиковать романы, в которых эгоизм то выдвигается в качестве едва ли не главной движущей силы общественного развития («Что делать?», 1863), то, наоборот, разоблачается («Женская доля»). Сопоставление с романом «Что делать?» попадало в точку: Чернышевскому явно удалось то, что Панаева долго и безуспешно пыталась сделать, — представить прогрессивных радикалов так, чтобы они увидели себя в героях и признали за автором право быть их эмиссаром в литературе. Роман Чернышевского в каком-то смысле отменял и обесмысливал попытки Панаевой: с его появлением панаевские карсавины и снеговы, романтизированные героини-одиночки, ценности которых утверждаются через поражение в борьбе с системой, на время утратили актуальность и стали восприниматься как устаревшие. Им на смену пришли бодрые, оптимистичные и совершенно не склонные воспринимать себя как маргиналов лопуховы и кирсановы. Трагический стоицизм прогрессистов еще вернется в русскую культуру, но на этом коротком этапе победил утопический проект Чернышевского, вытеснив на периферию все конкурирующие модели «новых людей», в частности модель, представленную в романе Панаевой.

Эмансипационная программа «Женской доли» также казалась Писареву бесперспективной. Настаивая на необходимости социальной трансформации мужчин ради освобождения женщин, Панаева, по существу, объявляла целью этой трансформации любовную верность, а несчастные панаевские героини были в первую очередь женщинами, обманутыми в любви и в браке. Писарев же настаивал на том, что настоящая эмансипация не в устранении причины ревности, а вообще в отказе от этой реликтовой эмоции. Без ревности исчезнет и сама ценность верности партнеру как несущественная для социального определения женщины. В то время как Панаева призывала обуздать мужчин, Писарев призывал женщин заняться наконец чем-нибудь помимо переживания несчастной любви:

Печальная была бы штука, если бы <...> семилетнему ребенку пришлось оставаться ребенком в течение семидесяти лет и если бы существовала целая порода таких человекообразных созданий, которые проливали бы горькие слезы по поводу каждого летнего дождя, расстроившего приятную прогулку. А ведь недалеко уехали от этих плаксивых созданий те убогие и нищие личности, для которых неверность Ивана и Петра составляет громадное несчастье, наполняющее целую жизнь слезами и отчаянием. И эту плаксивость, эту убогость, эту поразительную нищету романисты и критики ежедневно возводят в великое достоинство человеческой природы. <...> Вот именно против этой-то мучительной и позорной зависимости должна быть направлена эмансипация женщин⁴².

42 Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 6. М.: Наука, 2003. С. 206.

Писаревская критика эффектно разбивала две ключевые ставки панаевского письма: на эмансипацию и на «новых людей», а третья — завуалированные упреки в адрес Некрасова и его окружения — не могла быть ему интересна, да и не была ему адресована.

К критике «Женской доли» подключилась также и Надежда Хвоцинская в статье из цикла «Провинциальные письма о нашей литературе», опубликованной под псевдонимом Поречников (Отечественные записки. 1862. № 5). Она сочувственно отозвалась о темах прозы Панаевой, но отказала ей в литературном мастерстве (ни один из романов «не удовлетворяет в художественном отношении»⁴³). По Хвоцинской, Панаевой иногда удается сказать правду, но чаще она впадает в карикатуру, а главное — склонна к чрезмерной концентрации зла и страданий, что делает мир ее произведения неправдоподобным:

Положим, нет на свете такого проклятого угла, где бы судьба свела разом и скупого, жестокого эгоиста-старика, и его наследника — пустого, развратного Фата, и даму без поведения, и ее приятелей, развратных фразеров-приживальщиков, и ее сына, сумасшедшего á la Hamlet. Все эти лица, сумасшедший в особенности, даже карикатурны; они вызывают у читателя иногда улыбку, чаще досаду утомления, но и улыбка, и досада обрываются вдруг вздохом: «Такие уроды бывают!» <...> Он (Станицкий. — П.У., А.Ф.) свел своих страдалиц всех в одно место, в одно время — художественная ошибка, пожалуй, непростительная; но не мешает нам, чтоб лучше поразмыслить, посмотреть на наших несчастных и падших, на наших misérables разом и в одном месте. Это безобразно до карикатуры, это грязно до отвращения — и все эти падшие виноваты только в том, что доверались и любили...⁴⁴

Таким образом, «Женская доля» была атакована представителями важных для Панаевой сообществ. Упреки со стороны Писарева были болезненны, потому что их автором был «первый наследник» Добролюбова, литературное завещание которого Панаева, как ей казалось, верно выполняла. Критика Хвоцинской же была значима по другой причине: тут панаевская проза снисходительно порицалась женщиной, причем — писательницей, более успешной в собственно литературном отношении⁴⁵.

С нашей точки зрения, разгром «Женской доли» в критике, а не расставание с Некрасовым, стал главной причиной приостановки литературной карьеры Панаевой, воспринимавшей себя как профессиональную беллетристку. Именно категоричное неприятие романа подтолкнуло ее к уходу из литературы.

В коллективной памяти прогрессистов Панаева не закрепились в силу того, что конкурирующие социальные программы, прежде всего в романе Чернышевского, оказались более влиятельными. Запомниться же «широкому чита-

43 Авторыцы и поэтки. Женская критика: 1830—1870. М.: Common place, 2018. С. 126.

44 Там же. С. 127—128.

45 Мы убеждены, что Панаева знала, кто скрывается за псевдонимом Поречников. Издатель «Отечественных записок» был соседом Некрасова и Панаевой по этажу, а саму Панаеву и Краевского объединяли родственные связи (родная сестра Панаевой, Анна Яковлевна (ум. 1842), была женой издателя и матерью его детей, а Авдотья Яковлевна, соответственно, их тетей). Учитывая категоричное неприятие «Женской доли» Поречниковым, маловероятно, что Панаева не предприняла попытки выяснить, кто этот человек. Вряд ли эта задача была для Панаевой слишком сложна. О критике Хвоцинской, в том числе о ее псевдонимах и о ее отклике на «Женскую долю», см.: [Gheith 2004: 104—128].

телю» повестями и романами, опубликованными в «Современнике», ей также не удалось, поскольку литература следующих десятилетий во многом переписала, углубив и проблематизировав, панаевские темы и сюжеты. Так, практически вся проблематика и система образов «Женской доли» были перекрыты другими беллетристами: стоит вспомнить и сильных самостоятельных женщин в прозе Хвоцинской, и проблемный анализ влечения к публичной женщине в «Записках из подполья», и чудаковатых героев вроде Мышкина, а также, конечно, тяготы и ужасы брака в «Анне Карениной» и «Крейцеровой сонате», не говоря уже о поэтике ужасающей карикатурности жизни одной семьи в «Господах Головлевых».

Уже в пожилом возрасте Панаева попыталась вернуться к творческой деятельности, однако в 1880—1890-е годы оказалась в совершенно ином литературном контексте. Даже если не оценивать художественную составляющую ее поздних рассказов и повестей («Дворняжка», 1889; «Петух», 1891; «Сироты», 1893; и др.), понятно, что в новой — народнической, предсимволистской — культуре ей уже не было места (см. подробнее: [Долгих 1977]). От этого периода, однако, остались «Воспоминания» (1889) — наиболее канонизированный и востребованный текст Панаевой, который, надо полагать, так или иначе повлиял на поэтику важнейших женских литературных мемуаров XX века — Н. Мандельштам, Н. Берберовой, Л. Брик и др.

Мемуары Панаевой, с нашей точки зрения, во многом питались теми же эмоциональными импульсами, которые определяли ее прозу 1850—1860-х годов. Их «недостоверность» объясняется тем же типом письма. В воспоминаниях при этом отпадает необходимость скрывать прототипизм. В то же время Панаева не в силах отменить и фикциональное начало, выстраивая свой нарратив по модели беллетризованного, литературно сглаженного, почти сюжетного текста. Иными словами, неспособность Панаевой написать достоверные мемуары — обратная сторона ее неспособности создать чистый фикшен⁴⁶. На воображаемой шкале достоверности ее «Воспоминания» стремятся к автопсихологическому роману, в котором соединяются желания сказать правду о когда-то близких людях и в то же время — свести с ними счеты. В этом плане антитеза «старой редакции» и молодых радикалов в «Воспоминаниях» эмоционально гомогенна аналогичной антитезе в прозе 1850—1860-х годов. В определенном смысле «Воспоминания» Панаевой заменяют один тип достоверности другим, и поэтому их не стоит оценивать по тем критериям, с которыми мы подходим к иным свидетельствам: на месте «мужской» фактографии обнаруживается «женская» эмоциональная подлинность, не находящая себе прямого соответствия в других текстах эпохи.

Фундаментальный принцип поэтики Панаевой 1840—1860-х годов, таким образом, — прототипизм, который образует эмоциональное ядро ее письма, а не является периферийным литературным приемом, как у большинства ее современников. Ее поражение и уход из литературы объясняются профессио-

46 Заметим, что, по всей видимости, фикциональность обратно пропорциональна успешности панаевских произведений. Показательно, что поздние воспоминания лучше всего «рифмуются» с самым ранним ее текстом — высоко оцененным еще Белинским «Семейством Тальниковых», повестью, в автобиографическом и травматическом характере которой сомнений никогда не было, если понимать автобиографичность расширительно — не как точное воспроизведение фактов, а как воспроизведение пережитого опыта [Холмгрен 2009].

нальными причинами. В то же время репрессированы были не принципы письма Панаевой, а ее попытки включиться в самую актуальную литературно-политическую повестку, где она не смогла конкурировать со своими идеологическими союзниками, но одновременно — соперниками в поле литературы. Не замеченный и не оцененный по достоинству прототипизм Панаевой окажется востребованным, когда большинство людей из ее окружения станет достоянием истории культуры.

Независимо от того, правы ли были люди 1850—1860-х годов в оценке оригинальности и художественных достоинств прозы Панаевой, игнорирование ее беллетристики резко сокращает для исследователей и любителей возможность понять и представить эту эпоху русской литературы. Панаева предложила острабяющий, женский, протестующий взгляд на центральное литературное явление времени — редакцию «Современника», обнажила гендерную изнанку ее деятельности, а заодно — идеологии и быта литераторов, связанных с журналом. Без кисти единственной женщины в редакции портрет «Современника» обречен быть неточным, если не ложным.

Библиография / References

- [Бессонов 1979] — *Бессонов Б.Л.* Лермонтов в повести А.Я. Панаевой «Пасека» (1849) // М.Ю. Лермонтов: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1979. С. 423—425. (Bessonov B.L. Lermontov v povesti A.Ya. Panaevoy "Paseka" (1849) // M.Yu. Lermontov: Issledovaniya i materialy. Leningrad, 1979. P. 423—425.)
- [Бессонов 1980] — *Бессонов Б.Л.* Об утраченной переписке А.Я. Панаевой и Некрасова (История одной публикации) // Некрасовский сборник. Вып. 7. Л.: Наука, 1980. С. 47—65. (Bessonov B.L. Ob utrachennoy perepiske A.Ya. Panaevoy i Nekrasova (Istoriya odnoy publikatsii) // Nekrasovskiy sbornik. Iss. 7. Leningrad, 1980. P. 47—65.)
- [Волошина 2016] — *Волошина С.М.* Утопия и жизнь. Биография Николая Огарева. СПб.: Владимир Даль, 2016. (Voloshina S.M. Utopiya i zhizn'. Biografiya Nikolaya Ogareva. Saint Petersburg, 2016.)
- [Грин 2008] — *Грин Д.* Иное лицо романтической поэзии: русские женщины-поэты середины XIX века. СПб.: Академический проект, 2008. (Greene D. Inoe litso romanticheskoy poezii: russkie zhenshchiny-poety serediny XIX veka. Saint Petersburg, 2008.)
- [Долгих 1977] — *Долгих У.М.* Жизнь и литературное творчество Авдотьи Яковлевны Панаевой (1820—1893): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1977. (Dolgikh U.M. Zhizn' i literaturnoe tvorchestvo Avdot'i Iakovlevny Panaevoy (1820—1893): PhD Thesis. Leningrad, 1977.)
- [Евгеньев-Максимов 1950] — *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н.А. Некрасова: В 3 т. Т. 2. М.; Л.: ГИХЛ, 1950. (Evgen'ev-Maksimov V. Zhizn' i deyatel'nost' N.A. Nekrasova: In 3 vol. Vol. 2. Moscow; Leningrad, 1950.)
- [Женский вызов 2006] — Женский вызов: русские писательницы XIX — начала XX века. Сборник статей / Под ред. Е. Строгановой, Э. Шоре. Тверь: Лилия Принт, 2006. (Zhenskiy vyzov: russkie pisatel'nitsy XIX — nachala XX veka. Sbornik statey / Ed. by E. Stroganovaya, E. Shore. Tver', 2006.)
- [Кафанова 2017] — *Кафанова О.* Авдотья Панаева между публичным и личным пространством // Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie. 2017. Vol. 29 (<http://journals.openedition.org/ilcea/4296> (дата обращения: 03.03.2023).) (Kafanova O. Avdot'ya Panaeva mezhdou publichnym i lichnym prostranstvom // Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie. 2017. Vol. 29 (<http://journals.openedition.org/ilcea/4296> accessed: 03.03.2023).)

- [Ключкин 2019] — *Ключкин К.* Women's Prose in the Modernizing Cultural Economy: 1850s—1870s // *Складчина. Сборник статей к 50-летию профессора М.С. Макеева*. М.: ОГИ, 2019. С. 98—121.
- (*Klioutchkine K.* Women's Prose in the Modernizing Cultural Economy: 1850s—1870s // *Skladchina. Sbornik statey k 50-letiyu professora M.S. Makeeva*. Moscow, 2019. P. 98—121.)
- [Курова 1952] — *Курова К.С.* Творчество А.Я. Панаевой в 60-е годы // *Ученые записки Казахского государственного университета имени С.М. Кирова*. 1952. Т. XIV. Язык и литература. С. 39—58.
- (*Kurova K.S.* Tvorchestvo A.Ya. Panaevoy v 60-e gody // *Uchenye zapiski Kazakhskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.M. Kirova*. 1952. Vol. XIV. P. 39—58.)
- [Летопись 2006] — Летопись жизни и творчества Н.А. Некрасова, 1821—1877: В 3 т. Т. 1. СПб.: Наука, 2006.
- (*Letopis' zhizni i tvorchestva N.A. Nekrasova, 1821—1877*: In 3 vols. Vol. 1. Saint Petersburg, 2006—2009.)
- [Макеев 2017] — *Макеев М.С.* Николай Некрасов. М.: Молодая гвардия, 2017.
- (*Makeev M.S.* Nikolay Nekrasov. Moscow, 2017.)
- [Макеев 2018] — *Макеев М.С.* Конторские книги журнала «Современник» // *Карабиха: историко-литературный сборник*. Вып. X. Ярославль: Академия 76, 2018. С. 119—254.
- (*Makeev M.S.* Kontorskie knigi zhurnala "Sovremennik" // *Karabihha: istoriko-literaturnyy sbornik*. Vol. X. Yaroslavl', 2018. P. 119—254.)
- [Рейсер 1949] — Гонорарные ведомости «Современника» / Вступ. ст. и примеч. С. Рейсера // *Литературное наследство*. Т. 53/54. М.: АН СССР, 1949. С. 231—290.
- (*Gonorarnye vedomosti "Sovremennika"* / *Introd. and comment. by S. Reysera* // *Literaturnoe nasledstvo*. Vol. 53/54. Moscow, 1949. P. 231—290.)
- [РЛВГИ 2004] — *Русская литература XIX века в гендерном измерении. Опыт коллективного исследования* / Науч. ред. Е.Н. Строганова. Тверь: Лилия Принт, 2004.
- (*Russkaya literatura XIX veka v gendernom izmerenii. Opyt kollektivnogo issledovaniya* / *Sci. ed. by E.N. Stroganova*. Tver', 2004.)
- [Савкина 2007] — *Савкина И.* Разговоры с зеркалом и Зазеркальем: автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007.
- (*Savkina I.* Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: avtodokumental'nye zhenskije teksty v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka. Moscow, 2007.)
- [Стайтс 2004] — *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860—1930 / Пер. с англ. И.А. Школьникова, О.В. Шныровой. М.: РОССПЭН, 2004.
- (*Stites R.* The Women's Liberation Movement in Russia: Feminism, Nihilism and Bolshevism, 1860—1930. Moscow, 2004. — In Russ.)
- [Степина 2019] — *Степина М.Ю.* Некрасов и А.Я. Панаева: несколько частных соображений // *Некрасовский сборник*. Вып. 15—16. Брянск: Историческое сознание, 2019. С. 51—65.
- (*Stepina M.Yu.* Nekrasov i A.Ya. Panaeva: neskol'ko chastnykh soobrazheniy // *Nekrasovskiy sbornik*. № 15—16. Bryansk, 2019. P. 51—65.)
- [Строганова 2019] — *Строганова Е.Н.* Классики и современницы: гендерные реалии в истории русской литературы XIX века. М.: Литфакт, 2019.
- (*Stroganova E.N.* Klassiki i sovremennitsy: gendernye realii v istorii russkoy literatury XIX veka. Moscow, 2019.)
- [Федотов, Успенский 2023] — *Федотов А., Успенский П.* «Панаевский цикл» Николая Некрасова. Поэтика эмансипации и менс-плейнинга // *Die Welt der Slaven*. 2023. Iss. 68. No 1. P. 129—164.
- (*Fedotov A., Uspenskij P.* "Panaevskiy tsikl" Nikolaya Nekrasova. Poetika emansipatsii i menspleyninga // *Die Welt der Slaven*. 2023. Iss. 68. No 1. P. 129—164.)
- [Холмгрэн 2009] — *Холмгрэн Б.* Не-натуральная школа: «Семейство Тальниковых» Панаевой // *Травма: пункты* / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 45—72.
- (*Holmgren B.* Ne-natural'naya shkola: "Semeystvo Tal'nikovykh" Panaevoy // *Travma: punkty*. Ed. by S. Ushakin, E. Trubina. Moscow, 2009. P. 45—72.)
- [Чуковский 2004] — *Чуковский К.* Некрасов и Авдотья Панаева [1921] // *Чуковский К. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 8*. М.: Терра, 2004. С. 264—303.
- (*Chukovskiy K.* Nekrasov i Avdot'ya Panaeva [1921] // *Chukovskiy K. Sbranie sochineniy*: In 15 vols. Vol. 8. Moscow, 2004. P. 264—303.)
- [Юкина 2007] — *Юкина И.И.* Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алтейя, 2007.
- (*Yukina I.I.* Russkiy feminizm kak vyzov sovremennosti. Saint Petersburg, 2007.)
- [Gender and Russian Literature 1996] — *Gender and Russian Literature. New Perspectives* / Ed. by R. Marsh. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- [Gheith 2001] — *Gheith J.M.* Redefining the Perceptible: The Journalism(s) of Evgeniia Tur and Avdot'ia Panaeva // *An Improper Profession: Women, Gender, and Journalism in Late Imperial*

- Russia / Ed. by B. Norton and J.M. Gheith. Durham: Duke University Press, 2001. P. 53—73.
- [Gheith 2004] — *Gheith J.M.* Finding the Middle Ground. Krestovskii, Tur, and the Power of Ambivalence in Nineteenth-Century Russian Women's Prose. Evanston: Northwestern University Press, 2004.
- [Gheith, Holmgren 2007] — *Gheith J.M., Holmgren B.* Art and Prostokvasha: Avdot'ia Panaeva's Work // *The Russian Memoir: History and Literature* / Ed. by B. Holmgren. Evanston: Northwestern University Press, 2007. P. 128—144.
- [Kelly 1994] — *Kelly C.* A History of Russian Women's Writing, 1820—1992. New York: Oxford University Press, 1994.
- [Vaysman 2021] — *Vaysman M.* Woman's Lot: Realism and Gendered Narration in Russian Women's Writing of the 1860s // *The Russian Review*. 2021. Vol. 80. Iss. 2. P. 229—245.
- [Women Writers 1994] — *Women Writers in Russian Literature* / Ed. by T.W. Clyman, D. Greene. Westport: Greenwood Press, 1994.

Источники

- Авторицы и поэтки. Женская критика: 1830—1870. М.: Common place, 2018.
- В.Г. Белинский и его корреспонденты / Под ред. Н.Л. Бродского. М.: Гос. б-ка им. В.И. Ленина, 1948.
- В.П. Боткин и И.С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869. М.; Л.: Academia, 1930.
- Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 23: Письма 1847—1850 гг. М.: АН СССР, 1961.
- Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1897.
- Дружинин А.В. Повести. Дневник / Изд. подгот. Б.Ф. Егоров, В.А. Жданов. М.: Наука, 1986.
- Котляревский Н. Очерки из истории общественного настроения шестидесятых годов. Женский вопрос в его первой постановке // *Вестник Европы*. 1914. № 2. С. 225—252.
- Летописи Государственного литературного музея. Кн. IX. Письма к А.В. Дружинину / Ред. и коммент. П.С. Попова. М.: Изд. ГЛМ, 1948.
- Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.; СПб.: Наука, 1981—2000.
- Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 6. М.: Наука, 2003.
- Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Необдуманый шаг // *Современник*. 1850. № 1. Отд. I. С. 131—160.
- Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Капризная женщина // *Современник*. 1850. № 12. Отд. I. С. 245—310.
- Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Мелочи жизни // *Современник*. 1854. № 2. Отд. I. С. 151—248.
- Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Мелочи жизни // *Современник*. 1854. № 4. Отд. I. С. 146—163.
- Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Женская доля // *Современник*. 1862. № 3. Отд. I. С. 41—177.
- Станицкий Н. [Панаева А.Я.] Женская доля // *Современник*. 1862. № 4. Отд. I. С. 503—561.
- Стихи не для дам. Русская цензурная поэзия второй половины XIX века / Изд. подготовили А. Ранчин и Н. Сапов. М.: Ладомир, Аст, 1994.
- Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Изд. 2-е. Письма. В 18 т. Т. 3. Письма, 1855—1858. М.: Наука, 1987.
- Черняк Я.З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве [Дело Огарева — Панаевой]. По архивным материалам. М.; Л.: Academia, 1933.
- Чернышевский Н.Г. Материалы для биографии Н.А. Добролюбова, собранные в 1861—1862 годах. Т. 1. М.: Тип. В.Ф. Рихтер, 1890.
- Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. XIV. Письма. 1838—1876 гг. М.: ГИХЛ, 1949.
- Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки (1854—1886). М.: Academia, 1934.
- Щербина Н. Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры / Ред. и примеч. И. Иванова-Разумника. Л.: Прибой, 1929.